

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПАРЕМИЯХ

В настоящее время в лингвистике наблюдается активный интерес к изучению паремической (пословичной) картины мира как важнейшей составляющей национальной картины мира.

Картина мира как система состоит из множества элементов – стереотипных представлений, которые получают у носителей какого-либо языка более или менее одинаковую смысловую нагрузку. Паремическая картина мира (ПКМ) определяется как «наиболее специфичный национально и культурно маркированный фрагмент языковой картины мира, в котором «дух народа», особенности его мировидения и ценностные приоритеты, нравственный и эстетический опыт и знания этноса, ключевые правила этикета отражаются наиболее выразительно» [2]. Другими словами, в паремиях находит свое отражение вся многогранная жизнь народа, все сферы деятельности человека, семантика паремий описывает морально-этический код той или иной нации, раскрывает базисные ценности этой нации.

Таким образом, пословичные суждения имеют двойственную природу: с одной стороны, они отражают «наивную», бытовую, житейскую картину познания мира, с другой – дают морально-нравственную оценку ситуациям и человеческим поступкам, с одной стороны, паремии представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, с другой – являются сентенциями-рекомендациями на основе этого опыта.

Отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, паремии фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы. Можно утверждать, что именно в ПКМ воплощено культурно-национальное мировоззрение, отражены в краткой форме категории и установки жизненной философии народа как носителя данного конкретного языка, что позволяет квалифицировать паремии как стереотипы народного самосознания.

Как показал анализ, в лингвистике обозначились следующие основные направления исследования паремий: 1) традиционное лингвистическое описание, предполагающее выявление лексического состава и особенностей семантики паремий, определение синтаксической структуры (В. Т. Бондаренко, В. В. Гвоздев, Л. А. Морозова, Л. Б. Савенкова и др.); 2) лингвокультурологический подход, в рамках которого пословицы рассматриваются как «зеркало культуры» (Н. Д. Арутюнова, В. В. Жданова, В. П. Жуков, В. Н. Телия и др.); 3) когнитивный анализ, цель которого – выявление актуализированных в пословицах особенностей постижения мира (Е. В. Иванова, В. И. Карасик и др.).

Как компрессия социально-культурного опыта народа паремии предоставляют в распоряжение исследователей бесценный материал, который может рассматриваться с разных точек зрения. К числу актуальных аспектов изучения паремий относится выявление места оценки в семантической структуре ПКМ, особенностей оценочной категоризации действительности, а также языковых способов выражения оценки в пословичных текстах.

В языке оценка рассматривается как компонент прагматического значения слова, выражающий отношение субъекта оценки к объекту внеязыковой действительности посредством соотнесения отдельных его признаков с системой ценностей, принятых в данном языковом коллективе. Оценка выделяет определенный признак предмета, события, факта, явления, она является антропоцентричным феноменом и помогает ориентации

человека в историческом времени и пространстве. Оценка реализуется в виде отдельных дихотомий: она может быть положительной и отрицательной, общей и частной, внешней и внутренней, абсолютной и компаративной. Оценка в языке связана с понятием нормы, которая распространяется только на позитивные оценки. Положительная оценка означает, что процесс протекает нормально; негативная оценка подразумевает отклонение от нормы или же то, что характер протекания процесса не удовлетворяет всем нормативным требованиям [3].

Большинство исследователей называют такие свойства оценки, как антропоцентричность, когнитивность, прагматичность, субъективность, интуитивность, ценностный характер, бинарность.

Паремии, обладая иноказательным значением, носят поучительный, дидактический характер, образно представляют аксиологические (оценочные) константы наивной картины мира – как ценности, так и антиценности.

Чаще всего оценочный компонент рассматривается как коннотативный (добавочный) элемент значения слова, хотя такая квалификация оценочного значения паремий представляется дискуссионной, поскольку, как уже указывалось, денотативный план паремии непременно предполагает и дидактическую составляющую. Кроме того, оценка выступает в паремиях как один из способов выражения ценностных установок той или иной лингвокультуры.

Исследование показало, что в современной лингвистике проблема исследования ПКМ разных лингвокультур сквозь призму категории «оценка» исследована недостаточно. Вопрос о специфике оценочной категоризации в русско-узбекской ПКМ, об особенностях выражения и месте различных типов оценок в определенных пословичных полях также ожидает своего решения.

Следует отметить, что изучение ПКМ разных лингвокультур позволяет не только определить универсальное и специфическое в представлении оценочных категорий, но и способствует решению более широкой проблемы – выявлению межкультурного и межъязыкового сходства и различия в восприятии, интерпретации и вербализации мира.

Рассмотрим особенности выражения оценки на примере русских и узбекских паремий с концептом «душа».

Как известно, аксиологические константы связаны с реализацией таких признаков, как «хорошо» – «плохо», «полезно» – «неполезно», «красиво» – «некрасиво», «престижно» – «непрестижно» и др. Применительно к анализируемой группе пословиц оценочность представлена в оппозиции «праведное – греховное».

Как отмечают исследователи, в русской ПКМ концепт «душа» выступает символом внутреннего психического мира человека, особым нематериальным началом, связывающим человека с Богом. В русских паремиях модель личности основывается на противопоставлении тела как материальной субстанции человеческой душе как бессмертному началу. Например: *Душа согрешила, а тело в ответе; Телу простор – душе теснота*. Смысловая оппозиция «тело – душа», приобретая контекстуальную оценочность «праведное – греховное» (хорошее – плохое), в данных пословицах подкреплена синтаксической – использованием сложносочиненного предложения с противительными союзами *а* и бессоюзного предложения, части которого противопоставляются.

В оппозиции «душа – тело» акцент делается на тленности телесного в вечности духовного: *Что телу любо, то душе грубо, Хоть мошна пуста, да душа чиста*. В лингвистическом плане противопоставление частей сложного предложения в приведенных

пословицах создает условия для образования контекстуальных антонимов: *любо – грубо, пуста – чиста*.

Русский пословичный фонд с концептом «душа» содержит ряд пословиц-предостережений: *Не криви душой: кривобок на тот свет уйдешь; Живота (богатства) не копи, а душу не мори!; С тем, чьи слепы глаза, подружись, от слепого душой – отвернись*. В данном случае использована императивная форма выражения – глаголы в повелительном наклонении, а также безличные конструкции.

Идея противопоставления праведного греховному реализуется в русских пословицах через такие концепты, как «Бог», «черт», «грех», а также через периферийные концепты «спасение», «рай» и «ад»: *Грехи любезны доводят до бездны; Бог любит праведника, а черт – ябедника; Невольный грех живет на всех; Адам грех сотворил – рай затворил; В чем грех, в том и покаяние (или: спасение); Своя воля – либо рай, либо ад; Лучшие с умным в аду, чем с глупым в раю*.

В русских паремиях наиболее употребительным является устойчивое выражение «тот свет», противопоставляющее телесное и духовное в человеке, жизнь и смерть, грех и наказание: *На этом свете помучимся, на том порадуемся; Клеветники на том свете раскаленные сковороды лжгут; Что запасешь, то и с собой понесешь* (т.е. на тот свет).

В отличие от русской в узбекской пословичной картине мира концепт «душа» характеризует преимущественно внутренний психический мир человека: *Кўнгли қоранинг юзи қора*. – У кого душа черная, у того и лицо черное; *Кўнгил кўнгилдан сув ичади*. – Душа с душой роднится; *Иссиқ жон иситмасиз бўлмас*. – Живая душа не без лихорадки; различные свойства характера: *Оларда кирар жоним, берарда чиқар жоним*. – Беру с охотой, а как отдавать – душа из меня вон; *Ўрганган кўнгил ўртанса қўйма*. – Душа привыкла, хоть сгорит – но не бросит (обе – о жадности); *Уйимиз тор бўлса ҳам, кўнглимиз кенг*. – Хотя дом наш тесен, зато душа широкая (о гостеприимстве); *Жоним-жоним деб жонингни олади*. – Называя «милый-милый», душу заберет (о коварстве); *Пул аччиги – жон аччиги*. – Горечь денег – горечь души (о сребролюбии); *Қон билан кирган жон билан чиқар*. – С кровью вошло, с душой вышло (о наследственности черт характера).

И лишь небольшая группа узбекских пословиц имеет сакральный смысл, хотя современными носителями языка они не всегда воспринимаются именно так, приближаясь к первому значению («внутренний мир человека»): *Кўзи кўрдан кўкраги кўр ёмон*. – Слепой душою хуже слепого глазами (о духовной слепоте, духовном невежестве, жизни только ради материальных благ или же о черствости сердца); *Чиқмаган жондан умид*. – Пока душа не покинула тело, еще есть надежда (противопоставление духовного и телесного, о спасении души верующей и одновременно о надежде решить какие-либо жизненные проблемы, преодолеть трудности); *Қолган кўнгил чиққан жон билан баробар*. – Разочарованная душа – словно мертвая душа (разочарованная, унылая душа мертва для духовного, состояние, граничащее с неверием или же о притуплении чувств).

Основным способом развития оценочности в узбекских пословицах является контекстуальная метафорическая образность: душа черная – лицо черное; слепая душа – слепые глаза; разочарованный – мертвый и др., а также использование компаративных конструкций с использованием степеней сравнения или сравнительных союзов.

Как видим, специфика оценочного значения паремий обусловлена коммуникативной функцией этих единиц, целью их использования. В паремиях фактическая информация приводится в определенных коммуникативных целях: предписания, совета, рекомендации, одобрения, осуждения, запрета, а не для репрезентации конкретной информации.

В анализируемой группе паремий, связанных с концептом «душа», оценочный компонент выражен имплицитно. Оценки «хорошо», «плохо» представлены по-разному: либо в императивных, либо в сравнительных конструкциях, либо извлекаются из контекста из отношения к понятию «должное».

Список литературы

1. *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка* : в 4 т. [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – СПб., 1863–1866. – Режим доступа : <http://slovardalja.net>.
2. Кумахова Дж. Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков) : автореф. дис... на соискание ученой степени канд. фил. наук / Дж. Б. Кумахова. – Нальчик, 2011. – 28 с.
3. Лызлов А. И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка) : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. фил. наук / А. И. Лызлов. – М., 2009. – 22 с.
4. *Узбекские пословицы и поговорки* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.fmc.uz/maqollar.p>

Конек, О.П. Языковые способы выражения оценки в русских и узбекских паремиях [Текст] / О.П. Конек, Ф. Ниёзов // Мова, історія, культура у лінгвокомунікативному просторі : збірник наукових праць / Ред.кол.: Л.В. Біденко, О.М. Волкова, С.І. Дегтярьов; Упоряд. Л.Д. Біденко. - Суми : СумДУ, 2015. - Вип.2. - С. 103-109.